

А.И. Иваницкий

СПИРИТУАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И СЛУЖБЫ У ПОЗДНЕГО ГОГОЛЯ: МОТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сохранив отчасти фольклорное восприятие зла в столице светской империи, Гоголь наделил ее иерархию спиритуальным смыслом; зло же предстало двойником – заместителем этой иерархии. Это раздвоило смысл столицы империи, представшей в «Ревизоре» источником сначала всеобщего искушения, а затем – суда над ним. В «Развязке “Ревизора”» это подвело Гоголя к отождествлению государства и человеческой души, а в «Переписке...» – к замыканию всеобщего спасения от нечистого на собственном духовном опыте.

Ключевые слова: духовное завещание, спиритуализация государства, демоническое вторжение, двойник-заместитель, раздвоение Петербурга.

В пока неопубликованном докладе М. Велижева, посвященном «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847, далее в тексте – «Переписка»), было продемонстрировано, что открывающее книгу духовное, по сути, завещание имеет все признаки нотариального. На него указывают соответствующие формулы: первое предложение главы и начало каждого из разделов со слова «завещаю...». Такие признаки правового документа неявно преобразуют неформальное распоряжение в завещательный акт¹. Это, очевидно, отражает зеркальную перекодировку: «одухотворение» Гоголем светских государства, права и службы. Описание ее мотивных подоплек может прояснить сквозную логику художественной эволюции писателя.

В основном этой тематике Гоголь посвящает письма, исходно предназначавшиеся гражданскому тверскому, а затем одесскому ге-

---

¹ Велижев М. (ВШЭ, Москва). Завещание Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: текст в тексте // Международная научная конференция «XXVII Лотмановские чтения “Текст в тексте”». М., 2019. 20.XII.

нерал-губернатору А.П. Толстому, а также супруге калужского губернатора А.О. Смирновой, всецело связывая между собой духовное и административное движение общества:

...я в ней (России. — *А.И.*) ровно не знаю ничего... со времени моего отъезда... [в] самом составе управления губернией произошли значительные перемены. Многие места и чиновники отошли от зависимости губернатора и поступили в ведомство и управление других министерств, завелись новые чиновники и места... [1. Т. 8. С. 311].

Духовный же смысл служебной иерархии возводится к божественному первоисточнику: «...все места святы» [1. Т. 14. С. 291–292], поскольку их создало «...правительственное предвиденье...», внушенное небом: «...чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более... слышно, что Сам Бог строил незримо руками государей» (XXVIII. «Занимающему важное место», [1. Т. 8. С. 357]).

Смысл служебного долга в конечном счете замыкается на Творце: «О долге человека можно так разговориться, что обоим покажется, как бы они беседуют с ангелами в присутствии Самого Бога...» [1. Т. 8. С. 351, 358]. То есть именно в нисходящей властной лестнице Творец последовательно расшифровывает и осуществляет свой смысл. Отсюда «встречное»» возвышение народом смыслов своей любви к Богу идет по восходящим ступеням административной лестницы:

...полная любовь не должна принадлежать никому на земле. Она должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать ее к поставленному над ним высшему начальнику, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно в виду всех всеми любимый царь Самому Богу [1. Т. 8. С. 366].

Это предполагает духовное измерение царства. В рассуждении «О лиризме наших поэтов» (X) Гоголь приписывает последним его прозрение: «...звук их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово царь». Но из позиции наместника Христа на Земле, т.е. «...образ[а] Того на земле, Который Сам есть любовь...», Гоголь переводит царя в позицию самого Спасителя: царь — «...неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь...» [1. Т. 8. С. 255–256].

В свою очередь матрицированным нисхождением «спасительной» миссии царя выступает генерал-губернатор, призванный не управлять, а одухотворять: от него «требуется... правительство... бодрящею, освежающею силою пронестись по всей области, всех воздвигнуть, всех освежить... и обратиться... в другую губернию... чтобы и там произвести то же...» [1. Т. 8. С. VIII; С. 357]. Духовный характер это властной миссии удостоверяется тем, что такого же «бодрень[я] и освежень[я] всех вокруг себя» Гоголь ждет от друзей, которые воздвигнут ему памятник «в сам[их] себе» после его смерти [1. Т. 8. С. 220]. А в выросшей из письма Н. Языкову статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (XV) Гоголь видит это «освеженье» всеобщим (и прежде всего поэтическим) призванием в сегодняшней России: «...куда ни поворотишься, видишь, что нужно... освежить кого-нибудь» [1. Т. 8. С. 279].

В письме А.П. Толстому «Нужно проездиться по России» (XIX) Гоголь, с одной стороны, утверждает, что «Нет выше званья, чем монашеское», а с другой – уравнивает его с сановным: «Монастырь ваш – Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней...» [1. Т. 8. С. 301]. Отсюда и государство осуществляет в Боге свой конечный смысл. В не вошедшем в книгу письме тому же Толстому (1847) Гоголь сетует адресату на то, что его «известия о бедной России неутешительны...», но утешает тем, что «нам прежде всего нужно жить в Боге, а не в России» [1. Т. 13. С. 355].

Отъезд губернатора «просветляет» души оставленных: «Старайтесь... чтобы не было плача при расставанье с вами... чтобы **бодрей и свежей**... глядел каждый...», и фактически подобен вознесению: «Я... уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей...». А последняя заповедь уходящего / «возносящегося» (друга, а тем более начальника) станет священной: «...ко дню расставанья копите все, что хотели бы вы сказать в наставленье каждому: в этот день будут для них святы все слова ваши...» [1. Т. 8. С. 357–358].

Государственное равно духовному, поскольку выступает главным его измерением: «...под... множеством посторонних влияний находится теперь всяк человек и... все они имеют соприкосновение с от-

правлением его должности...» [1. Т. 8. С. 351]. Поэтому если губернаторше предстоит расспросить чиновника о понимании им смысла и границ своей должности, то губернатору – «...узнать каждого из занимающих главные должности... со всех сторон с его домашней и семейной жизнью... наклонностями и привычками...» [1. Т. 8. С. 351–352]. В свою очередь любое общественное дело видится Гоголю родом службы и почти единственным путем душевного спасения. Так в эссе «Исторический живописец Иванов» (XXIII) он признается в желании написанием «Мертвых душ» «...на своем неслужащем и незаметном поприще сослужить [царю] такую же честную службу, какую сослужили ему другие на... служащих и заметных поприщах...» [1. Т. 8. С. 334].

Отсюда именно «одухотворенную иерархию» Гоголь видит главной мишенью человеческого врага, который вторгается в мир в виде чиновника-двойника, размывая границы и отсюда моральные смыслы должностей. «Слугой» нечистого выступает «лже-чиновник» секретарь, подобно патрону, появляющийся как бы из ниоткуда:

Чуть только явится какое место и при нем денежные выгоды... вмиг пристегнется сбоку секретарь. Откуда он возьмется, Бог весть, точно как из воды выйдет. Как дважды два, докажет свою необходимость, разведет бумажную кропотню по всем вопросам. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили все должности, сбили и спутали у всех представления о границах должностей... [1. Т. 8. С. 271].

В той же «Переписке» смысл секретарской путаницы как службы ее магистру переходит из подтекста в текст: «У секретарей явится какая-нибудь любовница, из-за ней – ссоры, интриги, а с ними вместе и *сам черт путаницы*, который тут как тут во всякое время» [1. Т. 8. С. 336] (здесь и далее курсив мой. – А.И.).

Так же «из ничего» возникают документы «иной» служебной системы: «...бумага вышла их такого угла, откуда и подозревать никто не мог, по пословице: “писал писачка, а имя ему собачка”» [1. Т. 8. С. 272]. Именно они вызывают у людей безотчетное отвращение: «Наш народ не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничества» [1. Т. 8. С. 325].

В результате на основе «беззаконных законов, которые явно, ввиду всех чертит исходящая снизу нечистая сила...», вырастает лестница «...странных властей...» – «...другой, незаконный ход действий мимо законов государства и уже обратился почти в законный, так что законы остаются только для вида...» [1. Т. 8. С. 350, 415]. Эта лже-иерархия, так же, как и подлинная, последовательно осуществляет / означает себя сверху вниз:

«...Получая [должность] по наследству от предшественника в том виде, какой дал ей последний, [чиновники]... соображаются... с этим видом, а не с первообразом ее... взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде *сверху вниз*... бесконечной лестницей...». Поэтому служебная плутня «нечистого» неуловима для «законной» / «посюсторонней» власти: «...завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих...» [1. Т. 8. С. 350–356].

Это делает каждую служебную ступень ареной борьбы Бога и нечистого за душу стоящего на ней – чье спасение состоит поэтому в осознании, «сколько в этой должности... можно сделать добра... (и) зла...» [1. Т. 8. С. 311], и отсюда меры своего погружения в зло – чтобы каждый «видел сам, чем он подлец перед своей должностью...» [1. Т. 8. С. 357–358]. Открыть чиновнику «значение *высшей [его] должности*» [1. Т. 8. С. 350] может только его патрон, губернатор, который сам при этом проходит путь последовательного самопроявления высшего начала в служебной лестнице: «...постигну[в] сам всякую должность в ее истинном существе и мысленно прослужить сам на месте того чиновника, которого бы захотел он ввести в полное значение его должности...» [1. Т. 8. С. 358].

Конечная цель и, по сути, главный «подвиг» губернатора состоят в преодолении привнесенной нечистым путаницы значений и смыслов должностей: «...ввести всякую должность в ее законные границы» [1. Т. 8. С. 353]. Вследствие этого моральное выпрямление иерархии (изживание двойника) также идет сверху вниз: «...Как только будут честные советники, тотчас будут честны капитан-исправники, заседатели, словом – все станет честно...» [1. Т. 8. С. 313]. Тот же путь предстоит губернаторше в отношении «не служащих чиновников» обоего пола: «Вы будете законодательницей во

всем. Вы первое лицо в городе, с вас будут перенимать все до последней безделушки...» [1. Т. 8. С. 309]².

Духовное призвание губернатора открывает «истинно русский язык», выступающий неявным откровением свыше, так как «незримо носится по... русской земле (и) еще не прикасается к делу жизни нашей, но, однако ж, все слышат, что он истинно русский язык. На этом языке начальник называется отцом...» [1. Т. 8. С. 358].

Обращалось внимание на систематическое воспроизводство этих мотивов «Переписки» в сохранившихся главах создававшегося параллельно II тома «Мертвых душ». Так, «идеальный» учитель Тентетникова Александр Петрович, по сути, готовит учеников к «губернаторскому» пути имитации «Божественного нисхождения» по властным ступеням. Из всех наук он избрал ту, «что способна образовывать из человека гражданина земли своей... [так что] юноша... мыслями и душой жил уже там на службе... Все было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званиях и должностях...» [1. Т. 7. С. 13]. Как показывает Е. Анненкова [2. С. 25, 30], этот воспитываемый Александром Петровичем «гражданин земли своей» – идеальный (предвидимый) герой II тома и, по сути, будущий идеальный губернатор «Переписки», тот, кто готов стать гражданином «небесного государства», то есть реализовать окончательный смысл земной иерархии, состоящий в ее растворении в небесной.

В то же время сам Тентетников объявляет поместное хозяйствование на земле такой же «службой...», каковой сам Гоголь видел написание поэмы: «Если я позабочусь о сохраненье... вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших... поданных – чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения...» [1. Т. 7. С. 17].

---

² Парадоксально, что на женском пути ступенчатое моральное воскрешение общества совершится «благодаря обезьянству моды...» [1. Т. 8. С. 309], которая в финале «Переписки» видится писателю самым отчетливым сигналом пришествия Антихриста: «Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую вначале допустил человек как мелочь, как ничтожное дело, и которая теперь как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главного и лучшего в человеке?...» [1. Т. 8. С. 415].

Всеобъемлющее «замещение» реальной службы демонической изображается в финальной главе II тома:

...А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючковой строкой... произошла такая бестолковщина: донос сел на доносе, и пошли открываться дела... *даже такие, которых и не было*... Никким образом нельзя было понять, которое из этих дел была главнейшая *чепуха* [1. Т. 7. С. 117–118].

Им также движет единая «инфернальная» рука: «Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом: всех *опутал* решительно, прежде чем кто успел осмотреться» [1. Т. 7. С. 117]. И, как и в «Переписке», утверждается служебно-правовая иерархия – «двойник», о чем объявляет всем тот же губернатор в последних словах сохранившегося текста поэмы: «...уже помимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного... и мы едва...» [1. Т. 7. С. 127]. В свою очередь, в финальной главе I тома поэмы задан мотив пророческой миссии Гоголя, впоследствии разъясняемый им в «Переписке» во втором из «Четырех писем разным лицам по поводу “Мертвых душ”» (XVIII) [1. Т. 8. С. 288–292]: «Что глядишь ты (Русь. – А.И.) так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?» [1. Т. 6. С. 222].

Подоплеку уравнивания светской службы и «сакры» в предшествующем творчестве Гоголя проясняются в сочетании с двумя другими мотивами «Выбранных мест...» в целом и «Завещания» в частности. Уже в начале 1840-х гг. (параллельно работе над I томом «Мертвых душ» и переосмыслением «Ревизора» в «Театральном разъезде после представления новой комедии») у Гоголя возникли планы составления книги из писем друзьям. При этом по ходу работы над будущей «Перепиской», так и соответствующей переработки писем в главы книги в сторону риторизации: фразы удлинялись, их синтаксис усложнялся; менялся порядок слов, время глаголов второго лица сменялось с прошедшего на настоящее; повышалась экспрессия речи. Вкупе с частичным удалением обстоятельств автора и адресатов это превращало интимный тон писем превращало личные письма в

учительную проповедь³. Ее признаки были детализированы в недавнем докладе Л. Луцевич, показавшей, что структурно «Переписка» наследует духовным грамотам церковных иерархов к монашествующей братии (под которой тем самым, Гоголь понимает общество в целом). Они включают краткое изложение основ христианской веры; покаяние в грехах с одновременным прощением грехов пастве и духовные наставления ей. Грехи Гоголь связывает с «историей своей души», явленной в его прежних сочинениях, а ее обновление и перерождение становятся главной темой «Переписки». При этом писатель верит в свое избранничество и в то, что внушенные ему Провидением «желание быть лучшим» и путь к этому открывают таковой для всех читателей⁴.

Однако переработка писем в проповеди и статьи не обнуляла личностных характеристик его адресатов. Олицетворяя в них Россию, Гоголь, тем самым, «генерализовал» собственное «я», чей опыт отражал все духовные вопросы русской современности и давал ответы на них. Как известно, именно в силу такого самопозиционирования «Завещание» вызвало самую единогласную критику читателей «Переписки», в том числе близких друзей Гоголя: Жуковского, А. Вильегорской, П. Матвеева и др., увидевших в публичных оглашениях Гоголем своих душевных состояний и личных отношений «унижение паки гордости». А «расширение» адресатов личных писем до «соотечественников» и всей России⁵ вкупе с просьбами о нерукотворном памятнике ему Н. Павлов счел претензиями Гоголя на статус пророка⁶.

Между тем сам Гоголь сильнее всего переживал изъятие цензурой как раз писем, посвященные должностям / поприщам и службе / служению, считая «Переписку» без них «оглодком» и признаваясь в письме к Вильегорской:

---

³ См. подробнее: [3. С. 38–42]; ср.: [4. С. 28–30].

⁴ Луцевич Л. (Варшавский университет) «Нужно сделаться истинным христианином» (Н.В. Гоголь о христианском служении) // Девятнадцатые Гоголевские чтения «Н.В. Гоголь и русская духовная культура». Иерусалим. 27.03–1.04.2019.

⁵ Как показывает В. Ворopaев [5. С. 200], минимум семь глав «Переписки» адресовались А.П. Толстому, в котором, тем самым, обобщалась фигура сановника.

⁶ См. подробнее: [4. С. 38–40, 49–53].

...Все должностные и чиновные лица, для которых были писаны лучшие статьи, исчезнули вместе со статьями из вида читателей... как будто бы я издал книгу именно затем, чтобы выставить... себя на всеобщее позорище [1. Т. 13. С. 202]⁷.

То есть именно утвержденное в этих письмах тождество службы и религии Гоголь считал ключевым содержанием своего «учительства», которое без соответствующих статей превращалось в карикатурное самовозвеличение и «позорище». Желание издать письма друзьям писатель объясняет тяжелой болезнью как предвестием смерти, которая «была уже близко»: «...человек... на смертном одре может... видеть лучше тех, которые кружатся среди мира...». Это еще при жизни открыло ему «иной» мир и, соответственно, смысл жизни в мире этом (свой и всеобщий): «...соотечественники! страшно!.. Замирает... душа при... предслышании загробного величия... Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая... какие страшилища от них подымутся...» [1. Т. 8. С. 221]. Очевидно, что именно духовное преображение в результате «временной» смерти побуждает Гоголя просить в «Завещании» не хоронить себя до появления признаков тления: смерть вновь может оказаться временной, т.е. канунном нового духовного просветления. По сути, именно позиция «свидетеля» дает Гоголю основание для апокалиптических пророчеств в финальной главе книги «Светлое Воскресение»: «Диавол выступил уже без маски в мир...» [1. Т. 8. С. 415]. «Спиритуализация» власти, таким образом, оказывается неотделима в «Переписке», с одной стороны, от апокалиптики, а с другой – от «генерализации» Гоголем своего «я». Поэтому стоит искать в творчестве писателя истоки этой мотивной «цепочки» в целом.

В 1828 г. будущий писатель переехал из Сорочинцев в Петербург – в культурном отношении равно противостоящий и Малороссии, и России. Но в «чужеродности» и «странности» столицы Гоголь, сохранивший фольклорное восприятие мира, увидел ту же демоническую плутню, что и повестях «Вечеров на хуторе близ Ди-

---

⁷ Подробнее о значении в глазах Гоголя писем сановникам и о сановниках см.: [2. С. 22–23].

каньки». Однако в Петербурге, иновыражающем современный мир в целом, глобальный масштаб демонического вмешательства превратил фольклорного черта Диканьки, персонажа дохристианской народной демонологии, сородича леших, домовых, водяных и русалок, в библейского дьявола, фронтального антипода Бога («сатана» в переводе с древнееврейского означает «противостоящий») и источника всемирного зла на основе всеобщей путаницы вещей и значений («дьявол» в переводе с древнегреческого – «клеветник»)⁸. Образно эта фигура явлена в финале «Невского проспекта», где «все обман, все мечта, все не то, чем кажется... когда демон зажигает огни для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [1. Т. 3. С. 51], а сюжетно в «Носе», который непонятным путем сбегает от хозяина и им же возвращается к нему. Наконец в «Портрете» в редакции «Арабесок» (1835) вхождение черта мир, как и в финале «Переписки», предстает знамением «конца света»:

...уже давно хочет народиться антихрист, но не может, потому что должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем все... совершается... в естественном порядке... Но земля наша... по... законам [Создателя] должна разрушиться, и с каждым днем законы природы будут становиться слабее, а... границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее... [1. Т. 8. С. 443].

Характерно, что в открывающей «Вечера...» «Сорочинской ярмарке» проблемой для черта оказывается не вхождение в мир, а возвращение в родное ему «пекло».

Предельная глобализация зла предполагала такую же глобализацию противостоящей ему духовной силы. И в столице секулярной империи, где церковная иерархия была частью государственной, Гоголь не только замкнул на ней религиозное начало⁹, но и представил главной областью inferнального вторжения. А это, в свою очередь, раздвоило для Гоголя образ и смысл петербургской власти на «небесный» и демонический. Последовательное осуществление сто-

---

⁸ См.: [6. Т. 1. С. 625–626; Т. 2. С. 416–417]. О сквозной роли образа нечистого в творческой эволюции Гоголя см.: [7].

⁹ В следующем 1829 г. Гоголь не только поступает на службу, но вскоре ощущает и высказывает свое глубокое родство с чиновным сословием – социальное и душевное. См. подробнее: [8. С. 161–162].

лицей этих двух своих ипостасей образует сюжет «Ревизора» в лице, соответственно, Хлестакова и подлинного ревизора, чье прибытие в финале объявляет Жандарм. Если в письме к С.Т. Аксакову (16.V.1844) Гоголь наделяет черта хлестаковскими чертами: «Он щелкопер и весь состоит из надувания. Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и поддаться назад – тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет» [1. Т. 12. С. 300], то в письме к А.О. Смирновой (6.XII.1849) он возводит к нечистому городскую сплетню о ревизорстве Хлестакова:

Я совершенно убедился в том, что сплетня плетется чертом, а не человеком. Человек от праздности и сглупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое; и мало-помалу сплетется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь... [1. Т. 14. С. 154].

Как известно, в финале «самообманувшиеся» чиновники начинают искать тех, кто первым распустил слух о ревизорстве Хлестакова; добираются до Бобчинского и Добчинского, которые, в свою очередь, также перекалывают вину друг на друга.

В самом Хлестакове «потусторонние» черты безотчетно фиксируют как обитатели города (что знаменательно – и воображая его ревизором, и удостоверившись в обратном), так и он сам. Для Осипа Хлестаков – «генерал, да только *с другой стороны*» [1. Т. 4. С. 44]. Городничий, уже видящий «ревизора» супругом дочери, поздравляет Анну Андреевну, «с каким *дьяволом* <та> породнилась» [1. Т. 4. С. 82]. Хлестаков называет себя автором «*другого* “Юрия Милославского”» [1. Т. 8. С. 49], а пьяное самовосхваление в доме Городничего завершает криком: «...я *везде, везде*» [1. Т. 4. С. 50]. Ответ Шпекина на вопрос Городничего: «Что же он такое по-вашему?» – «Ни се, ни то; чорт знает что такое...» [1. Т. 4. С. 90]¹⁰ – подтверждает

---

¹⁰ См.: [9. С. 87]. Интересно мнение С. Бузунова [10. С. 187–188] о том, что, характеризуя Хлестакова: «Говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть» [1. Т. 4. С. 100], Гоголь почти повторяет оценку нечистого Христом в Евангелии от Иоанна: «Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он... отец лжи».

химерические черты нечистого – «щелкопера» в упомянутом гоголевском письме Аксакову, в конечном счете наделяющие его функцией самоотрицания: «Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он просто *черт знает что...*» [1. Т. 12. С. 300]. Иными словами, нечистый, в конечном счете, химеричен и неопределим даже для себя самого. Так же иллюзорна олицетворяемая Хлестаковым столица, предстающая в похвалах Осипа своего рода «черной дырой»: «А не хочешь заплатить... [извозчику] – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так прошмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет» [1. Т. 8. С. 27].

В то же время Жандарм и объявляемый им ревизор, посланный «по Высочайшему повелению», представляют Петербург центром неотвратимо и справедливо карающей власти. Вскоре после премьеры комедии в Александринском театре Вяземский в письме А.И. Тургеневу назвал правительство «единственным честным лицом пьесы»¹¹. В «Театральном разъезде...» (1842) сам Гоголь устами «Третьего любителя искусств» объявляет «призванием» правительства «всегда и везде... быть *представителем провидения на земле...* чтоб мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступления» [1. Т. 5. С. 144].

Явный символизм как Жандарма, безымянного и не присутствующего в списке действующих лиц¹², так и последующей «немой сцены» наделяет правительственное возмездие подтекстами Страшного суда. Как известно, ориентиром для Гоголя в ее «режиссуре» немой сцены стала картина К.П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1833), явившая образ человечества перед лицом «последнего» крушения и сблизившая финал комедии со средневековой иконографией Апокалипсиса¹³. Городничий и его гости застывают в позах, в

---

¹¹См. [11. Т. 3. С. 317–318].

¹²Знаменательно наблюдение И. Вишневской [12. С. 146–147] о том, что Жандарм не мог быть ни жителем города, так как никому в нем незнаком, ни сопровождать подлинного ревизора, которому не был положен телохранитель.

¹³См.: [13. С. 142, 238–239, 242]; ср.: [8. С. 178, 194]. М. Виролайнен [14. С. 232] отмечает в этой связи, что в немой сцене Анна Андреевна и Марья Антоновна с противоположных сторон устремляются к городничему, руки которого распростерты, а голова запрокинута. Это отсылает к композиции пиеты, где мертвого Христа обступают Дева Мария и Магдалина. Эта композиция могла быть знакома Гоголю по стихам Пушкина «Мирская власть» (1834).

которые их повергли лова Жандарма, становясь памятниками своим грехам¹⁴.

Между тем чиновное начало уже в «Ревизоре» выступает для Гоголя главным измерением человеческого. О том, что апокалиптическое воздаяние в немой сцене постигает не чиновные злоупотребления, но иновыражаемые ими общечеловеческие пороки, говорит разочарование Гоголя как будто бы успешным приемом комедии. В «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» (1836), он признается, что «“Ревизор” сыгран – и у меня на душе так смутно, так странно... Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое» [1. Т. 4. С. 99].

Как известно, публика и власть в лице императора сочли «Ревизор» сатирой на чиновную систему, обобщающей комедийную линию «один вместо другого», где провинциальные власть предержащие принимают случайного при(про)езжего за ревизора, см., например, «Судейские именины» И. Соколова (1781), «Ябеду» В. Капниста (1798), «Неслыханное диво, или Честного секретаря» Н. Судовщикова (1809); а также непосредственных предшественников «Ревизора»: «Приезжего из столицы, или Суматоху в уездном городе» (1827) и «Дворянские выборы» (1829) Г. Квитки-Основьяненко и др.¹⁵ Гоголь же полагал очевидным то, что спустя шесть лет (1842), по мере осмысления собственной комедии, озвучил в так называемой парибасе Городничего в финале – фактическом обращении его в зал со словами: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!...» [1. Т. 4. С. 94]¹⁶. Будучи адресована всем зрителям, она удостоверяла, что их духовные язвы встречают в итоге эсхатологическое возмездие. Взглянув на себя, зрители (все равно чиновники духовного государ-

---

¹⁴ «Раздвоение» петербургской власти и службы также проявляется во II томе «Мертвых душ». Тентетникова эта служба, манящая и представлявшаяся идеальной по лекциям Александра Петровича, разочаровывает своей пошлостью, и в итоге он предпочитает ей помещичью «службу».

¹⁵ См. подробнее: [8. С. 154–158, 163].

¹⁶ Вяч. Иванов [15. С. 387–398] связал «парибасу» в «Ревизоре» с Аристофаном, которого Гоголь в «Театральном разъезде...» объявляет комедийным образом «Ревизора».

ства) должны были «светлым смехом» [1. Т. 5. С. 170] истребить в себе пороки, которые столичная власть истребляют на сцене.

Все это логически приводит Гоголя в «Развязке “Ревизора”» (1846) к уравниванию государства уже не с духовной жизнью общества, а с человеческой душой. Это открывает для своих собратьев-актеров «Первый комический актер», объявляя товарищам, что уездный город в «Ревизоре» – «наш же душевный город»; чиновники – «страсти, ворующие казну души нашей»; подлинный Ревизор – совесть, являющаяся людям «у дверей гроба»; Хлестаков – «ветренная, светская совесть», с которой человек сообразуется каждый день, и которая исчезает перед явлением настоящего Ревизора [1. Т. 4. С. 130–134]¹⁷. В упомянутом письме к А.О. Смирновой Гоголь подводит «бесовский» смысл «миражной интриги» «Ревизора» к идее «Развязки...»: «...трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать... Тот, Кого ничем не подкупишь» [1. Т. 8. С. 154]. Человек, равный миру, несет в себе потенциалы всех пороков, а гибель души знаменует гибель мира¹⁸.

В «Переписке» таким универсальным «я» Гоголь осознал себя, создав этим, однако, потенциал духовного кризиса. Необъяснимые расхождением русской реальности с идеалом представились ему гибелью его души, а с нею – «большого» мира, неразрывного с нею и равного ей.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

---

¹⁷ В. Гиппиус [8. С. 181] видит здесь просветительскую логику, согласно которой исправление нравов («совести» и «души») исправляет общество. Но «Развязка...» утверждает не причинно-следственную связь исправления душ и общества, а *тождество* административного и душевного миров.

¹⁸ См. подробнее: [16. С. 10–11]; ср. [17. С. 139–151]. Метафора «мир – душа» систематически возникает в польско-украинской барочной драме, где сыгранный на сцене сюжет в эпилоге объявляется метафорой другого (см. подробнее: [18. С. 86–97]). Посредником в освоении юным Гоголем этого взаимоотражения мира и души выступило учение Г. Сковороды о мире и человеке как двух смысловых «предикатах» Бога, мистически воплотившегося в Библии. С работами Сковороды Гоголь мог познакомиться по публикациям в столичном «Телескопе» в 1831 г. Подробнее о гоголевских соответствиях «архетипам» и «вицефигурам» Сковороды см.: [19. С. 320–329].

2. Анненкова Е.И. От писем к «Выбранным местам...» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 21–37.
3. Балакишина Ю.В. Эпистолярное наследие Гоголя как источник «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 38–48.
4. Барабаш Ю. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М.: Художественная литература, 1993. 269 с.
5. Воронаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М.: Паломник, 2014. 336 с.
6. Мифы народов мира: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
7. Мережковский Д.С. Гоголь и черт (Исследование) // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. 489 с.
8. Гиттиус В.В. Проблематика и композиция «Ревизора» // Гоголь. Материалы и исследования: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2. С. 151–199.
9. Ицук-Фадеева Н.И. «Ревизор» Гоголя и Булгакова // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: ТГУ, 1999. Вып. V. С. 86–91.
10. Бузунов С.Н. Комедия Н. Гоголя «Ревизор»: опыт мифопоэтического анализа // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1997. Вып. 8. С. 185–190.
11. Остафьевский архив. СПб., 1899–1913. Т. 1–5.
12. Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. 256 с.
13. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.
14. Виролайнен М.Н. Гоголевская мифология городов // Пушкин и другие. Сборник статей к 60-летию С.А. Фомичева. Н. Новгород: НовГУ, 1997. С. 230–237.
15. Иванов Вяч. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Иванов. Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. Т. 4. С. 387–398.
16. Купреянова Е.Н. Авторская идея и художественная структура «общественной комедии» Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русская литература. 1979. № 4. С. 3–16.
17. Маркович В.М. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» // Анализ драматического произведения. Л.: Изд. ЛГУ, 1988. С. 136–163.
18. Софронова Л.А. Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. С. 78–101.
19. Tschizewskij D. Skoworoda – Gogol // Welt der Slawen. 1968. Jahr XIII. H. I. S. 320–329.

Spiritualization of Power and Service in Late Gogol: Motive Sources

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 14, pp. 168–185. DOI: 10.17223/24099554/14/8

Alexander I. Ivanitskiy, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: meisster@mail.ru

Keywords: testament, spiritualization of state, daemonic invasion, deputy-doppelganger, bifurcation of Petersburg.

In his report at the Lotman Readings at the Russian State University for the Humanities (2019), M. Velizhev showed that the testament that opens Gogol's *Vybranye mesta iz perepiski s druž'yami* [Selected Passages from Correspondence with Friends, 1847] bears signs of a notarial will. This reflects the counter spiritualization of the power and service in *Correspondence*, so its motivation that can clarify the logic of Gogol's artistic evolution. All power positions in Gogol's book are sacred, being created by the "government foresight" inspired by heaven. Consequently, Lord signifies Himself in the authority ladder. Therefore, the semantic elevation of love to God follows the same hierarchy of the civil service – to the monarch who transfers it to God. This makes the service hierarchy the main target of the human enemy who invades the world in the form of a doppelganger-official, eroding the meanings of administrative positions and replacing the "divine service" ladder with an antipode doublet. Gogol's equations of "sacra" and service caused his movement to St. Petersburg (1828), equally alien to the traditional culture of both Little Russia and Russia. In this alienness, Gogol, who preserved the folklore worldview, saw the same daemonic trickery as in *Dykanka*. It appears as a general hoax in the finale of *Nevsky Prospekt*, and gets apocalyptic proportions in the first edition of *The Portrait*. However, in the capital of the empire, which includes the church in itself, Gogol tied the religious principle to the imperial one, which split the meaning of the Petersburg power into "heavenly" and daemonic. The consistent implementation of these meanings forms the plot of *The Inspector General* – with the visits of Khlestakov and the real inspector. In letters to S.T. Aksakov (1844), to N.F. (1849) Gogol endowed the devil with Khlestakov's characteristics on the one hand, and on the other, explained the gossip about Khlestakov – "inspector" as the devil's trick. Khlestakov's chimericity is noted by Khlestakov's servant Osip ("a general, only the other way round) and Shpekin ("He's neither one thing nor another. The devil knows what he is"). Khlestakov not only confirms it, introducing himself as the author of "another 'Yuri Miloslavsky'", but in drunken boast endows a demonic background ("I am everywhere, everywhere!"). The Governor translates it from the subtext into the text, congratulating his wife, "... to marry into a family of such a devil." The capital he personifies is also illusory, being a "black hole" in Osip's praises. The real auditor presents Petersburg as a source of just imperious punishment, which the "silent scene" endows with the symbols of the Last Judgment, since in the Governor's appeal to the public ("You are laughing at yourself, oh you!") the bureaucratic vices can be interpreted as panhuman. In *Razv'yazka "Revizora"* [The Resolution of The Government Inspector. 1846], the state is shown equal to the human soul, where officials are "passions"; Inspector is conscience "at death's door"; Khlestakov is a "secular conscience" with which a person conforms every day. A person equal to the world carries within himself the potentials of all vices, and the death of the soul marks the death of the world. In *Correspondence* Gogol endowed himself with such a universal "I" creating the potential for

spiritual crisis. The inexplicable divergence of Russian reality with the ideal appeared to him as the death of his soul, and with it – of the great world equal to it.

References

1. Gogol, N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Annenkova, E.I. (2019) Ot pisem k “Vybrannym mestam...” [From letters to “Selected passages . . .”]. In: Shcherbakova, M.I. (ed.) *N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol. Materials and research]. Vol. 4. Moscow: RAS. pp. 21–37.
3. Balakshina, Yu.V. (2019) Epistolyarnoe nasledie Gogolya kak istochnik “Vybrannykh mest iz perepiski s друз’ymi” [Gogol’s Epistolary Legacy as a Source of “Selected Passages from Correspondence with Friends”]. In: Shcherbakova, M.I. (ed.) *N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol. Materials and research]. Vol. 4. Moscow: RAS. pp. 38–48.
4. Barabash, Yu. (1993) *Zagadka “Proshchal’noy povesi” (“Vybrannye mesta iz perepiski s друз’ymi”). Opyt nepredvzatogo prochteniya* [Riddle of the “Farewell story” (“Selected passages from correspondence with friends”. Experience of an unbiased reading)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Voropaev, V.A. (2014) *Nikolay Gogol'. Opyt dukhovnoy biografii* [Nikolay Gogol. An experience of spiritual biography]. Moscow: Palomnik.
6. Tokarev, S.A. (ed.) (1980) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Merezhevsky, D.S. (1991) *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In a still whirlpool. Articles and studies of different years]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
8. Gippius, V.V. (1936) Problematika i kompozitsiya “Revizora” [Problems and composition of the “The Government Inspector”]. In: Gippius, V.V. (ed.) *Gogol'. Materialy i issledovaniya: v 2 t.* [Gogol. Materials and research: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 151–199.
9. Ishchuk-Fadeeva, N.I. (1999) “Revizor” Gogolya i Bulgakova [“The Government Inspector” by Gogol and Bulgakov]. In: Fomenko, I.V. (ed.) *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya* [Literary Text: Problems and Research Methods]. Tver: Tver State University. pp. 86–91.
10. Buzunov, S.N. (1997) Komediya N. Gogolya “Revizor”: opyt mifopoeticheskogo analiza [N. Gogol’s comedy “The Government Inspector”: the experience of mythopoetic analysis]. *Filologicheskie zapiski*. 8. pp. 185–190.
11. The Ostafievo Archive. St. Petersburg. 1899–1913. Vols 1–5.
12. Vishnevskaya, I.L. (1976) *Gogol' i ego komedii* [Gogol and his comedies]. Moscow: Nauka.
13. Mann, Yu.V. (1978) *Poetika Gogolya* [Poetics of Gogol]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

14. Virolaynen, M.N. (1997) Gogolevskaya mifologiya gorodov [Gogol's mythology of cities]. In: Koshelev, V.A. (ed.) *Pushkin i drugie* [Pushkin and Others]. Nizhniy Novgorod: Novgorod State University. pp. 230–237.
15. Ivanov, Vyach. (1987) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Vol. 4. Brussels: Foyer Oriental Chretien. pp. 387–398.
16. Kupreyanova, E.N. (1979) Avtorskaya ideya i khudozhestvennaya struktura “obshchestvennoy komedii” N.V. Gogolya “Revizor” [The author's idea and artistic structure of N.V. Gogol's “public comedy” “The Inspector General”]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 3–16.
17. Markovich, V.M. (1988) Komediya N.V. Gogolya “Revizor” [N.V. Gogol's comedy “The Inspector General”]. In: Markovich, V.M. (ed.) *Analiz dramaticheskogo proizvedeniya* [Drama Analysis]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 136–163.
18. Sofronova, L.A. (1982) Printsip otrazheniya v poetike barokko [The principle of reflection in the poetics of the baroque]. In: Lipatov, A.V., Rogov, A.I. & Sofronova, L.A. (eds) *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in the Slavic cultures]. Moscow: Nauka. pp. 78–101.
19. Tschizewskij, D. (1968) Skoworoda – Gogol. *Welt der Slawen*. Jahr XIII. H.I. pp. 320–329.